

ВОКРУГ «УТИНОЙ ОХОТЫ»

Воспоминания – это всегда поток времени, пропущенный сквозь душу, и, как бы ты ни старался, все равно, рассказывая о ком-либо, невольно говоришь и о себе. Мне особенно трудно избежать этого, ибо во многом судьба Александра Вампилова – литературная и человеческая – так уж получилось, настолько связана с моей собственной волею обстоятельств, которые сложились в Иркутске тогда, что без упоминания о событиях и поступках личных никак не обойтись.

...В 1962 году ответственным секретарем Иркутской писательской организации был избран Франц Таурин, а меня собрание рекомендовало в главные редакторы альманаха «Ангара». С Францем Николаевичем мы задумали резко изменить содержание нашего печатного органа, отдав большую часть его площади молодым – тем, кого через три года назовут «Иркутской стенкой» – Валентина Распутина, Александра Вампилова, Евгения Суворова, Владимира Жемчужникова, Сергея Иоффе...

Берусь утверждать, Иркутск много бы потерял, если бы в середине шестидесятых на должности третьего секретаря Иркутского обкома партии вместо Евстафия Никитича Антипина оказался другой человек. Из всех секретарей обкомов Сибири он поначалу был самый отважный, самый воистину демократичный. В альманахе «Ангара» мы первыми в стране опубликовали крамольные стихи Александра Межирова «Мы под Колпино скопом стоим. Артиллерия бьет по своим...», одним из первых наш альманах поместил стихи Варлама Шаламова и, пусть с трудностями, бесконечными конфликтами с цензурой, мы все же сделали доступными читателю **ВСЕ ПЬЕСЫ** Александра Вампилова. А сколько жалоб, доносов шло в обком от «бдительных» и «правверных», которые праввернее самого папы римского, – все жалобы и доносы оставались без последствий. Однако вскоре первым секретарем был назначен Н. В. Банников, жесткий партийный функционер сталинской выучки, и обстановка в Иркутске стала резко меняться к худшему...

Александру Вампилову,
автору пьесы
«Утиная охота»

Спектакль «Утиная охота»
Увидеть автору охота.
И среди леса, среди бора
Он мыслей расплескал озера,
Обманных подсадил утят...
А режиссеры не летят!

Шарж А. Калинина из альманаха «Ангара» № 2
за 1968 г. Эпиграмма М. Сергеева

Все это надо было рассказать, чтобы стало ясно, в какой ситуации мы все находились, когда однажды вечером Саша Вампилов принес мне новую свою пьесу – «Утиная охота». Прочел я ее залпом. Назавтра встретились. Настроение у Вампилова было неважное: он был убежден, что цензура пьесу не пропустит. Я пытался подбодрить его, обещал сделать все возможное, хотя понимал, что шансов почти нет. Однако шанс дала сама цензура, казалось, монолитная, железобетонная. А произошло вот что.

Наша советская цензура долгие годы делала вид, будто ее не существует: рукописи не читала, но активно вмешивалась на стадии корректуры. Этим обстоятельством мы и воспользовались. «Утиная охота» была заслана в набор без привязки к какому-либо номеру – в запас (есть такой термин). Когда набор был готов, случилось везение, которое бывает лишь раз в жизни: главный цензор уехал в отпуск. Мы тут же поставили пьесу в номер. Волновались ужасно! Пропустят – не про-

пустят. Решили подстраховаться, но времени почти не оставалось. За ночь я написал предисловие.

«Утиная охота» была напечатана (№ 6 за 1970 г.) и ушла в жизнь. В жизнь сложную, полную событий драматических...

Неприятности начались сразу, и вовсе не от людей, от которых этого можно было ожидать. Вернулся главный цензор, поздоровевший, более чем всегда благодушный. Остановил меня на улице и сказал:

– Дело, конечно, сделано. Но вам с Вампиловым эту пьесу еще припомнят.

Так оно и случилось. Главный герой «Утиной охоты» Зилов и вся мужская часть его компании, кроме официанта Димы, трудятся в некоем Бюро технической информации. Надо же было такому случиться, что в Иркутске в то время было всего лишь одно такое бюро, точно с таким же названием. И сотрудники этой замечательной организации, видимо, неспроста, приняли все, что происходит в пьесе, на свой счет. Это, естественно, не случайно: в каждом из нас (ну разве что за редким исключением, когда мы имеем дело с человеком не от мира сего) живет Зилов с его совестливостью и бессовестностью, с его эпатажем и ранимостью, с его потребительской философией и маниловскими мечтаниями. Часто, сидя в зале на спектакле, особенно там, где пьеса Вампилова поставлена полно и достойно, без усечений и странных выпрямлений сюжета, на что отважились даже выдающиеся режиссеры, я ощущал дискомфортность. Вампилов выволакивал из меня самого Зилова и Кузакова, и Саяпина и Кушака. А тут ведь и адрес указан: Бюро технической информации! Конечно, люди порасудительней вспомнили бы пословицу: «На воре – шапка горит». Наши же товарищи закипели благородным возмущением, налились гневом и, дабы все знали, что они не зиловы, не саяпины, не кушаки, нашли самый верный, самый апробированный способ доказать, что они ангелы (не те, что нарисованы Вампиловым в другой пьесе). Лучшим средством обороны, как известно, является донос. О, замечательная страна и замечательная литература! Стоит писателю сделать отрицательным персонажем инженера, как все инженеры страны, всех ее (тогда) республик шлют в ЦК письма, что эта книга – возмутительная клевета на невинных советских инженеров. А если антигерой, скажем, бухгалтер, то тут уж все счетные работники объявляют автора клеветником.

...Письмо возмущенных сотрудников Бюро технической информации было передано в обком, там заинтересовались этой отнюдь не технической информацией. Меня, как редактора альманаха и автора предисловия, пригласил Антипин. Он дал

мне прочитать донос, потом мы поговорили, я как раз в этой беседе посетовал на более чем странное положение писателя: о ком ни напиши – ты клеветник, «очернитель». Что же, у нас уже все люди с крылышками, белее облаков, и летают над советскими райскими кущами? И нет предающих друг друга, и нет клеветников подлинных, а не придуманных, и нет грабителей, и мужчин, бросающих женщин, и женщин, которым опостытели их мужья?! И нет тех, кто придумал поговорку: «Где бы ни работать – лишь бы не работать»? И потом, разве у Вампилова сказано, что действие происходит в Иркутске?

Это был аргумент. А может быть, Антипину не хотелось раздувать дело, ведь это как бумеранг, разносишь других, а попадает самому – недосмотрел. Мы посмеялись. Жалобщикам было отвечено, что Вампилов не имел в виду Иркутск и, конкретно, тех людей, которые приняли пьесу на свой счет. Казалось бы, конфликт утих. Но нет: не удовлетворенные соломоновым решением, ангелы из Бюро технической информации послали донос повыше – аж в ЦК КПСС!

И на наше отчетно-выборное писательское собрание, его срок как раз приспел, явился гость из отдела культуры ЦК КПСС. Стало ясно, что противники «Утиной охоты» воспользуются этим. Однако разгрома не получилось – собрание встало на защиту Вампилова.

...Через два года Сани не стало. Вот уже четверть века каждый раз, когда жизнь приводит меня в поселок Листвянка, где теперь над Байкалом высится памятный знак из серого голубого мрамора у того места, где случилась беда, душу охватывает нестерпимая боль. Время расступается, как воды Байкала, и я снова вижу Саню на носилках в сенях больницы. Он закрыт с головой нестерпимой белизны простыней, и только против рта алеет небольшое кровавое пятно, словно последнее невысказанное слово.

Последние Санины дни, наше сражение с цензурой за публикацию последней законченной пьесы Вампилова «Прошлым летом в Чулимске» описаны уже Геннадием Николаевым, другими авторами воспоминаний. Но история с «Утиной охотой» не окончилась и с гибелью Сани.

Простившись с ним, мы решили увековечить память нашего товарища и мемориальной доской, и созданием музея в Кутулике, но, в первую очередь, изданием однотомника его пьес. Благо в Иркутске, главным образом, на страницах альманаха «Ангара» (с 1971 г. – «Сибирь») были опубликованы все пьесы Вампилова, кроме «Случая с метранпажем». Оля Вампилова передала мне два экземпляра «Метранпажа», выпущенного в Москве, в серии одноактных пьес, что-то мы рас-

клеили, что-то перепечатали. В октябре 1972 г. однотомник был передан мною в Восточно-Сибирское издательство. Месяца через два или три меня вызвал к себе директор издательства и сказал: «Можно издать, но без «Утиной охоты».

Я понял, что невидимкой за его спиной стоит иркутская цензура. И принял неожиданное решение: забрал рукопись, написал бумагу директору издательства «Искусство» Тараканову. Причем, зная манеру цензуры, я подумал о том, что нужно обязательно послать неудобную пьесу «Утиная охота» в расклейке, чтобы издатели обратили внимание, что пьеса УЖЕ ВИДЕЛА СВЕТ.

Прошло какое-то время, и мне позвонил наш главный цензор – Николай Григорьевич Козыдло:

– Марк Давидович, скажи: как получилось, что в альманахе «Ангара» была напечатана «Утиная охота»? Я что-то не припоминаю, когда давал разрешение на печать.

«Еще бы! – подумал я. – Вы и не можете этого помнить». Однако сказал:

– Есть причина для этого звонка?

– Да. Понимаешь, московская цензура остановила корректуру книги Вампилова, удивилась, что эта вещь опубликована, и мне позвонили...

Я лихорадочно думал, как спасти положение? Если рассказать Николаю Григорьевичу правду – пьеса сгорит. И тут, как часто бывает в экстремальной ситуации, память мне подбросила один давний эпизод. Возникла однажды подобная сложность: иркутская цензура задержала повесть Валентина Распутина «Деньги для Марии», тоже в корректуре альманаха «Ангара». На завтра я отправился в обком. Мы сидели, наверное, более часа, я рассказал Евстафию Никитичу, как оценили эту вещь крупные российские писатели на семинаре в Чите, пытался раскрыть ему не только неординарность сюжета и талантливость автора, но и говорил, что придет час, когда Иркутск будет гордиться именем Распутина, и нас не поймут, если эту повесть раньше нас опубликует Новосибирск (это было правдой, я отвез повесть в журнал «Сибирские огни», и ее там уже читала редколлегия). Кончилось тем, что Антипин попросил свою секретаршу связать его с Н. Г. Козыдло, и разговор вышел такой:

КОЗЫДЛО: Слушаю Вас, Евстафий Никитич.

АНТИПИН: Мы тут сидим с Марком Давидовичем и рассуждаем о повести Валентина Распутина «Деньги для Марии». У нас с Марком Давидовичем проблем нет! – И положил трубку.

Уже через час корректура альманаха была возвращена в издательство с соответствующим штампом цензуры, и «Ангара» с повестью вышла в свет.

Воспоминание это возникло мгновенно, и я решил блефовать.

– Вы помните, Николай Григорьевич, такой случай. Вам позвонил Евстафий Никитич и сказал: «Вот мы тут с Марком Давидовичем рассуждаем о пьесе «Утиная охота», и у нас с Марком Давидовичем никаких проблем нет!»

– Помню, помню! – воскликнул Николай Григорьевич и сообщил в Москву, что «Утиная охота» опубликована с благословения обкома.

Надо сказать, что чиновники различных московских структур побаивались вступать в конфликт с местными обкомами, ведь секретари большинства из них были членами ЦК.

Однотомник с крамольной пьесой был подписан к печати.

В 1975 г. он вышел с послесловием А. Демидова: 496 страниц, 8 листов иллюстраций, портрет. Через год на сцене театра русской драмы в Риге пьеса увидела свет рампы, и при любых стараниях ее уже нельзя было удержать, она шла сперва по республикам, потом, наконец, в Москве, затем прорвала запреты высшего литературного и театрального советского руководства и вошла в репертуар всех стран, многих театров мира.

В принципе точно, казалось бы, понимая замысел Вампилова, его сложную сверхзадачу, неоднородность его сюжетов, постановщики «Утиной охоты» пытались все же каким-либо образом выровнять линию Зилова, упростить ситуацию, «подправить» драматурга, договорить за него то, что он предпочитал оставить за кадром, дабы дать волю воображению зрителя. Во мхатовском спектакле была снята первая сцена: мальчик приносит живому человеку венок на его.. могилу. Мало того, что пьеса лишается, таким образом, самого своего парадоксального зачина, но от этого становится менее понятной ее исповедальность, для этого Зилов лишается важного толчка. И на глазах зрителя происходит не «саморазрушение»... «добро, умного, интересного, совестливого когда-то» человека, а планомерное становление подонка, что более свойственно, во многом, поствампиловской драматургии. Театр им. М. Н. Ермоловой, с любовью относящийся к Вампилову, предпринимавший многие попытки пробить сквозь театрально-цензурные препоны постановку «Старшего сына», которую трижды под нелепыми предложениями «не принимала» комиссия, театр, поставивший четыре пьесы Сани, создавший спектакль по его рассказам, подправил «Утиную охоту» по-своему: убрал последние фразы из пьесы: последний разговор с Димой-

официантом и согласие Зилова отправиться на утиную охоту после всего, чему мы только что были свидетелями. Звонит, звонит телефон, но Зилов трубку не берет, не нужна ему охота, не нужна ему осточертевшая компания. Да полно, так ли уж не нужна! Рижский драматический театр, наоборот, продлил эпизод и показал нам (кстати сказать, очень сильно поставленный эпизод!) Зилова... на охоте. В сценографии этого спектакля присутствует стойка бара, на верхнем карнизе которого в качестве декоративного украшения расположены деревянные утки. И вот, после того, как Зилов и Дима договорились о поездке на охоту, на сцене возникает темнота, фигура Зилова с ружьем, освещаемая вспышками выстрелов, слышна пальба, и наконец мы видим деревянных уток, висящих вверх тормашками на веревочках – они убиты Зиловым. Убиты расчетливо, как это сделал бы официант Дима. А на сцене Государственного театра драмы в Таллине в финале начинал вращаться круг сцены, на котором разместились все персонажи пьесы, между ними неприкаянно мечется Зилов и, наконец, падает у ног внезапно появившегося мальчика, того самого, что в первом эпизоде принес ему венок. Итак, Зилов (метафорически) возвращается к своему детству, чтобы очиститься и все начать сначала.

Во всех этих переделках проглядывала общая тенденция: «прояснить Вампилова», более категорично обозначить позицию, тогда как Вампилов главным событием в жизни любого своего героя-персонажа считает тот момент, когда наблюдаемый им человек «проснулся на пороге», как это происходит с учителем Третьяковым в ранней пьесе «Дом окнами в поле», как это происходит с Колесовым, студентом-биологом, предавшим себя и любовь свою, но «проснувшимся» на пороге перед окончательным падением, как это происходит со следователем Шамановым в последней из законченных пьес «Прошлым летом в Чулимске»... Он еще, герой Вампилова, и сам не знает, что с ним будет дальше, и писатель активно включает в финал душу зрителя или читателя – там, в ней, а не на сцене должны выкристаллизоваться выводы из тех посылок, которые нам дал для размышления писатель. Вот это главное в «Утиной охоте» – Зилов просыпается. Просыпается и изливает перед нами душу с такой безжалостностью, что и читатель, и зритель ловит себя на невольном сочувствии к Зилову, на ощущении, что еще не все потеряно, что за порогом жизнь еще будет ломать его и вовлекать в свои лабиринты, но душа после исповеди станет крепче; безнравственная угрюмая шутка его друзей с венком, присланным живому человеку, жестокостью своей включает почти атрофированную было совесть

МХАТ. «Утиная охота». Зилов – О. Ефремов,
Ирина – Е. Проклова. 1979 г.

эгоцентрика, и совесть оказывается живой, иначе зачем бы Зилову выворачивать перед нами так безжалостно свою жизнь? Драматургия Вампилова не терпит режиссерских корректив, ломающих ее тонкую структуру.

Вот уже и Санино шестидесятилетие. Вот уже и собраны в тома его пьесы, рассказы, фельетоны, записные книжки. И найдены студенческие стихи. А «Утиная охота» все еще ждет своего режиссера, потому что драматургия такого уровня

не устаревает, не остается в прошлом при наших бесконечных фантазмагорических политических и общественных коллизиях, она всегда современна, и значит, Вампилов еще впереди.

М. Д. Сергеев